

Произведения Юрия Слепухина
в серии
«Русская литература. Большие книги»

ПЕРЕКРЕСТОК
ТЬМА В ПОЛДЕНЬ
СЛАДОСТНО И ПОЧЕТНО
НИЧЕГО КРОМЕ НАДЕЖДЫ
КИММЕРИЙСКОЕ ЛЕТО
ЮЖНЫЙ КРЕСТ

Юрий Слепухин

КИММЕРИЙСКОЕ
ЛЕТО
♦
ЮЖНЫЙ КРЕСТ

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
С 47

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

Слепухин Ю.

С 47 Киммерийское лето ; Южный Крест : романы / Юрий Слепухин. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 928 с. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-26736-7

Романы, включенные в эту книгу, сюжетно между собой никак не связаны, более того — действие происходит в разных странах и на разных континентах. Разные и главные герои — юная московская школьница Ника Ратманова и Михаил Полунин, зрелый мужчина, за плечами которого участие во Второй мировой войне и вынужденная эмиграция... Объединяет их необходимость нравственного выбора в непростых жизненных обстоятельствах и стремление «жить по правде», что так характерно для героев большой русской литературы.

«Киммерийское лето» — это Москва, Ленинград, Крым и Урал 70-х годов, с потрясающим описанием атмосферы, быта и характеров героев, стечением обстоятельств втянутых во внутренний семейный конфликт, истоки которого лежат в событиях Великой Отечественной войны, но, по сути своей, вечны — та самая «слезинка ребенка» Достоевского, которая ломает устоявшуюся благополучную жизнь и ставит героев перед неизбежным выбором, определяющим будущее... «Южный Крест» — это Аргентина, пампа, океан, джунгли Уругвая — как декорация к событиям, происходящим в «русской колонии» Буэнос-Айреса, собравшей эмигрантов разных эпох из России — далекой и забытой Родины. Кроме того, в повествование входит детективный сюжет поиска нацистского преступника, а ключевым стержнем развития образа главного героя является ностальгия.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© Ю. Г. Слепухин (наследники), 2026
© Н. А. Слепухина, составление, 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-26736-7

КИММЕРИЙСКОЕ ЛЕТО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Проснувшись, Ника сразу вспоминает о не выученной накануне физике, и день начинается с ощущения глубокой враждебности всего окружающего. Мать отдергивает штору и распахивает окно настежь, затопив комнату блеском и свежестью солнечного майского утра; однако веселее от этого не делается — всякому понятно, что показное великолепие природы лишь обманчиво прикрывает собою мрачную сущность мироздания. Сущность, которая не может не вызывать решительного протеста.

Протестуя всем своим видом, Ника не спеша бредет в ванную — нарочно не спеша, хотя времени остается не так уж много. Купанье отчасти примиряет ее с действительностью, но потребность в протесте остается. Ника плещется под душем, не заправив в ванну край полиэтиленовой занавески, бросает мыло там, где ему лежать не годится, и оставляет незавинченным тюбик «Поморина» — все это в знак протеста. Она прекрасно знает, что с рук ей это не сойдет, что опять придется выслушивать нотации и рассуждения об упрямстве, неряшливости и иных пороках, и уже заранее возмущается вечными придирадками старших.

Одеваясь у себя в комнате, она тоже протестует. Вчера предсказывали переменную облачность с возможным понижением температуры, и сейчас мать напоминает ей об этом, приоткрыв дверь. Ника отвечает громким театральным вздохом, показывая, что терпение ее уже на исходе, и начинает выбирать белье самое легкое и самое нарядное. Потом натя-

гивает самые тонкие чулки — не потому, что ей так уж приятно носить скользкий тугой дедерон, а просто чтобышний раз доказать, что в шестнадцать лет человек (обладатель паспорта) имеет право на самоутверждение.

Едва она, самоутвердившись и до шелкового блеска расчесав щеткой рассыпанные по плечам волосы, появляется в столовой с царственным видом и высоко открытыми мини-юбкой ногами, как снова вспыхивает все тот же вечный конфликт поколений. Кто вообще ходит в таком виде в школу, спрашивает мать, на что Ника отвечает — безукоризненно вежливо, но с убийственным подтекстом, — что все нормальные люди именно в таком виде и ходят. Явиться в класс в вечерних чулках, говорит мать, раньше это и в голову бы никому не пришло, но дочь — еще вежливее и еще многозначительнее — возражает, что раньше им не приходило в голову слишком многое и еще вопрос, стоит ли этим так уж гордиться. После чего отец, до сих пор не принимавший в конфликте прямого участия, грубовато велит ей помалкивать и заняться завтраком, если она не хочет опоздать.

Стрелки часов, действительно, неумолимо приближаются к восьми, и мать, спохватившись, убегает в кухню — ей уходить на работу позже, но нужно успеть приготовить кое-что к вечерней стряпне. Ника, окончательно обиженная на весь свет, намешивает в чай полбанки сгущенного молока и тянет этот сироп с блюдечка, как всегда делает баба Катя, со страшным шумом и хлюпаньем — только для того, чтобы нарваться на очередное замечание и тогда с вызывающим видом возразить: «А что такого, интересно, я делаю?» Но все ее усилия на этот раз пропадают даром: у матери в кухне гудит какая-то техника, а отца, сидящего напротив, подобными штучками не проймешь. Он и сам довольно шумно прихлебывает свой кофе, не отрываясь от бумаг и делая на полях пометки тонким красным фломастером.

— Ну, все, — говорит он без пяти восемь и, собрав бумаги, щелкает массивными замками итальянского «дипломата»

крокодиловой кожи. — Давай кончай, Вероника, и спускайся, я пока прогрею. Хороши мы с тобой будем, если аккумулятор сел за ночь. Мамочка, ау-у, я пошел!

Ника выносит в кухню поднос с остатками завтрака и снисходительно целует мать. Конфликты конфликтами, но в общем они ладят, — с родителями, надо признать, ей еще повезло, бывают ведь и вовсе ископаемые.

— Ну, беги, беги, — строго говорит мать, втайне любуясь дочерью. — Деньги на обед есть? Ничего не забыла?

— Мамуль, я, кажется, не маленькая...

Чтобы на этот счет не осталось никаких сомнений, Ника, поплотнее прикрыв дверь кухни, успевает еще забежать в спальню родителей и слегка надуться, со знанием дела выбрав на туалетном столике самый запретный из флаконов. Горьковатый аромат «Митсуко» значительно прибавляет ей уверенности в себе, но, увы, ненадолго: в лифте она вспоминает, что, помимо физики, ее сегодня наверняка вызовут и по географии, что задана была на сегодня экономика пяти стран Латинской Америки, а ее представление об этом экзотическом континенте основывается главным образом на записях мексиканской и бразильской эстрады. Хоть бы и в самом деле сел аккумулятор, думает она с надеждой, троллейбусом в школу, пожалуй, уже и не успеть.

Но аккумулятор не сел, светло-серая «Волга» ждет у подъезда, нетерпеливо урча прогретым двигателем.

— Ты можешь хоть раз в жизни поторопиться? — раздраженно кричит отец. — Каждое утро, понимаешь, одно и то же!

Ника с обиженным видом садится рядом с ним.

Погода великолепна, никакого похолодания, скорее всего, не будет, но уж лучше бы дождь со снегом, чем это лицемерие. Судьба уготовила тебе минимум две двойки, а вокруг все ликует, словно мир и в самом деле устроен как надо...

Поддавив вздох, Ника косится на отца, на его руки, так уверенно лежащие на руле. Вот уж кого явно не тревожат мысли о несовершенстве мироздания. Машина проходит под высо-

кой аркой; мягко притормозив, пересекает тротуар и, попетляв по довольно сложной схеме выхода на главную проезжую часть Ленинского проспекта, устремляется с общим потоком движения направо — в сторону Ломоносовского. Здесь она, непрерывно сигналивая левой мигалкой, переходит из ряда в ряд, чтобы выскочить на перекресток в крайнем левом; потом, дождавшись зеленой стрелки, взвизгивает покрывками в крутом развороте и, быстро набирая скорость, мчится обратно — к Калужской заставе, к центру.

Спидометр уже показывает семьдесят, серая «Волга» идет у самой кромки разделительной полосы. Занимать крайний левый ряд — даже если все справа свободны — таков стиль езды Ивана Афанасьевича Ратманова. Его маленькая слабость, если хотите, которую он иной раз позволяет себе на державной шире Кутузовского проспекта. А уж здесь-то, дома, где его каждый инспектор знает в лицо... Поезди-ка вот так круглый год ежедневно, в одно и то же время, невольно перезнакомишься со всей районной ГАИ.

Иногда, впрочем, привычный маршрут меняется: на углу Ломоносовского светло-серая «Волга» делает правый поворот, потом еще один перед самым университетом, по проспекту Вернадского взлетает на мост и проносится над излучиной Москвы-реки — мимо гигантской чаши Лужников, пестрых павильончиков ярмарки у Фрунзенского вала, стеклянно-бетонной коробки гостиницы «Юность». Этим путем — по Комсомольскому проспекту, Зубовскому и Смоленскому бульварам — получается несколько ближе, и Иван Афанасьевич ездит так, если очень уж плохая погода или предстоит особо трудный день в министерстве. Обычно же он предпочитает более длинный путь через Калужскую заставу и Замоскворечье — это дает возможность каждое утро побыть с дочерью лишние четверть часа. Глупо, конечно, школу надо было сменить, а не таскаться теперь с Ленинского на Ордынку, но не захотела. Столько лет, мол, там проучилась, не привыкать же к новому классу за два года до аттестата. Из

двух, кстати, уже остался один. Эх, время, время. Ладно, пускай ездит, ему только лучше — по вечерам они почти не видятся, а контактов с детьми терять нельзя, в наше время это ни к чему хорошему не приводит...

Контакты, думает он скептически и, оторвав взгляд от стоп-сигналов идущего впереди «москвича», поглядывает вправо — на этот надменный девчоночий профиль в обрамлении гладких темных волос, подрезанных на лбу блестящей прямой челкой. Сидит молчит, о чем-то, наверное, думает... А о чем — поди узнай. О школьных своих делах сама ничего не расскажет, а начнешь спрашивать — один ответ: «Нормально...»

Задумавшись, он едва не выезжает на желтый свет — «москвич» успел проскочить, а «Волга», резко клюнув носом, замирает у самой пешеходной дорожки.

— Вот так, — говорит Ратманов, доставая сигарету, и вдавливая в гнездо кнопку прикуривателя. — С тобой доеддишься.

— А при чем тут я, интересно?..

— Будет у тебя взрослая дочка, тогда поймешь, при чем. Ну-ка, наклонись ко мне... Опять у матери на туалете шуровала?

— И не думала вовсе, это мои. Пап, а американцы действительно собираются этим летом высадиться на Луне?

— Да, если не свернут программу...

— Какую программу?

— «Аполлон», какую же еще...

Красный глаз светофора гаснет, под ним вспыхивает желтый и почти сразу сменяется зеленым. Машина, присев на задних рессорах, хищным прыжком кидается вперед.

Мокрый после поливки асфальт во всю ширь расположен утренними тенями, свежий майский ветер врывается в открытые с обеих сторон окна. Впереди, полыхнув на солнце стеклами и хромировкой, сворачивает к воротам Академии наук черная «Чайка» — величественно, словно швартующийся корабль.

— Келдыш на работу едет, — снисходительно замечает Ника.

Отец удивленно поднимает брови.

— С чего ты взяла, что это Келдыш?

— Не знаю, очень уж торжественно его везут. Бывают женщины-академики?

— А почему нет, у нас женщины равноправны.

— Ну, это уж вообще... сдвиг по фазе, как говорит Светка. Всю жизнь учиться! Я думаю, это они от недостатка личной жизни.

— Что-что?

— Понимаешь, я читала про Елизавету Английскую, не теперешнюю, а ту, раньше, при Марии Стюарт. У нее было неблагополучно с личной жизнью, и поэтому она всю энергию вкладывала в государственные дела...

На это уже у отца просто не находится что сказать. К счастью, время ежеутреннего контакта с дочерью истекает — они уже почти приехали. Как-то странно неупорядоченная после разлинейной геометрии новых кварталов Юго-Запада, широко и неожиданно распаивается вокруг Октябрьская площадь; шипя покрывками по мокрому асфальту, машина наискось перечеркивает ее стремительной параболой и ныряет в пеструю тесноту Якиманки. Все-таки старые названия живучи, да ведь и неудивительно: улицы Димитрова есть и в Софии, и в Ленинграде, а где, кроме Москвы, можно было найти Балчуг, Козиху, Собачью площадку, Разгуляй...

— Папа, — жалобным вдруг тоном окликает дочь, — можешь ты мне популярно объяснить, что такое дырка?

— Какая еще дырка?

— Ну, в полупроводнике, меня сегодня вызовут...

— А-а. Так тут и объяснять нечего — все проще простого. Дырка — это... как бы сказать... Ты вот механизм парноэлектронной связи в кристалле представляешь? Хотя бы тот же кремний. В оболочке атома четыре слабосвязанных электрона — раз валентность четыре, верно? — и в кристаллической решетке кремния каждый атом расположен по соседству с че-

тырьмя другими. Эти валентные электроны отщепляются, и за их счет возникает связь внутри каждой пары соседних атомов. Это при низкой температуре. А при повышении кинетическая энергия каждого электрона увеличивается, он покидает свою пару и становится свободным...

— Какую пару?

— Ты что, спишь, что ли? Я тебе объясняю: при низкой температуре валентный электрон передвигается только между двумя соседними атомами, он привязан к кристаллической структуре! А когда связь разорвана, он как бы уходит в сторону, и на его месте образуется вот эта самая дырка. Чего тут не понимать?

— Ага, ну спасибо, — говорит Ника таким тоном, будто и в самом деле что-то поняла. — Где ты меня сегодня высадишь?

— Посмотри-ка сзади, там, кажется, гаишник едет.

— Он еще далеко, — говорит Ника, оглянувшись.

— Тогда давай сейчас, вот за этим автобусом...

Дело в том, что по всей улице Димитрова висят красные перечеркнутые накрест круги запрещающих знаков: остановить машину нельзя даже для посадки пассажира. А ближе к мосту, на Полянке, и подавно не остановишься. Иван Афанасьевич еще раз бросает взгляд в зеркало, прикидывая расстояние до идущего сзади патрульного мотоцикла, потом решительно обгоняет неторопливый автобус и под его прикрытием притормаживает у тротуара напротив магазина «Букинист», почти у слияния улицы Димитрова с Большой Полянкой. Дочь торопливо чмокает его в висок, хлопает дверцей, и он успевает отъехать за секунду до того, как из-за автобуса показывается кремовый с сине-красной полосой мотоцикл ГАИ. Опоздали, товарищ инспектор, опоздали...

Грузный пятидесятипятiletний человек, руководитель главка и вероятный кандидат в замминистры, веселится, как школьник, ухитрившийся провести кондуктора. Прежде чем переключить скорость, он оглядывается: дочь, лениво разма-

хивая портфелем, пересекает Полянку, чтобы скрыться в одном из проходных дворов; отсюда Толмачевским переулком самый короткий путь на Ордынку. Какая, однако, взрослая девица, удивляется он вдруг, словно впервые увидев ее после долгой разлуки. А юбочки эти — просто черт знает что, непонятно даже, как школа такое разрешает. Ведь, в сущности, вот так, с мелких поблажек, все и начинается...

Но дочь уже скрылась из виду, и мысли Ивана Афанасьевича тотчас переключаются на другое. Завтра ему выступать на коллегии, а часть цифр, которые он намерен выложить как свой главный козырь, нуждается, как вчера выяснилось, в проверке и уточнении; прикидывая в уме, кому из сотрудников поручить сейчас это дело, он выжимает педаль газа почти до полу и уверенным поворотом руля вгоняет «Волгу» в поток машин, летящих на взгорбленный впереди Каменный мост.

А Ника Ратманова продолжает свой путь безо всякой уверенности. Твердо она уверена лишь в одном: двойка по физике ей сегодня обеспечена. Географичка может и не вызвать, это уж как получится, а вот с физикой — тут все железно. Нельзя сказать, что ее так уж страшит плохая оценка сама по себе (слава богу, уж кем-кем, а зубрилкой-пятерочницей она никогда не была), но дома будут разговоры на эту тему — приятного, конечно, мало. Хорошо хоть успела написать сочинение, а то бы вообще полный завал...

В уютном дворике, солнечно-тенистом от уже зазеленевшей сирени, она присаживается на скамью и достает из портфеля учебник. Перед смертью, говорят, не надышишься, но все же. «...Число дырок в кристалле равно числу атомов примеси. Такого рода примеси называются акцепторными (принимающими). При наличии электрического поля дырки перемещаются по полю и возникает дырочная проводимость. Полупроводники с преобладанием дырочной проводимости над электронной...» Нет, безнадежно. Ника захлопывает книгу,

зажмуривается, пытаясь представить себе перемещающиеся по полю дырки, и зрелище это столь безотраднo, что ею овладевает еще горшее отвращение к физике. Как могла Светка выбрать себе такую специальность?

Спрятав учебник, она достает зеркальце и помаду, слегка подкрашивает губы — чуть-чуть, едва заметно — и сидит, со смешанным чувством зависти и жалости глядя на играющих неподалеку малышей. Беззаботный возраст, но, с другой стороны, у них все еще впереди, да и не только это. В одной полупроводниковой технике сколько появится нового, пока эти несчастные доучатся до последних классов! «Мы были как вы, вы будете как мы». Если не хуже.

Время, однако, идет. К первому уроку она уже опоздала — не важно, явится прямо на физику, тоже неплохо. Но тогда еще рано, можно пока и погулять. Трудно поверить, что есть люди, которым не нравится Замоскворечье, которые предпочитают Арбат или даже какие-нибудь там Черемушки, Фили, Химки-Ховрино; строго говоря, это вообще уже не москвичи, это извращенцы. Настоящий москвич, считает Ника, не может не любить всю эту старину, уютную путаницу тупичков и переулков, дворики и садов, где летом так сладко пахнет липами... Ей вот самой никак не привыкнуть к Ленинскому проспекту, хотя и там, конечно, есть свои преимущества — можно, скажем, подойти к окну и увидеть, как едут из Внукова космонавты или какая-нибудь правительственная делегация. Но нет, все равно там неудобно — все слишком новое, и многоэтажное, и необжитое. А здесь — здесь сердце Москвы, здесь ты на каждом шагу чувствуешь, что идешь по городу, которому восемьсот лет...

Добравшись до угла Лаврушинского переулка, где неожиданно и как-то инородно торчит унылая девятиэтажная громадина, Ника вдруг сворачивает налево, к галерее. «Вообще не пойду сегодня ни в какую школу, — решает она внезапно, — буду лучше сидеть и смотреть на „Троицу“ — по методу Андрея». «Думаешь, ты что-нибудь поймешь с первого взгляда»

да? — сказал он ей как-то. — Нужно сесть напротив и смотреть час, другой, третий, — только тогда начнешь понемногу понимать, что такое Рублев...»

Галерея, к сожалению, открывается только в десять. Ника проходит мимо, пытаясь решить, нравится ей Андрей Болховитинов или не нравится. В общем-то, конечно, из всех мальчишек в классе он самый интересный как человек, да, пожалуй, и внешне. Но что-то в нем есть... трудно даже определить, что именно, но это неопределимое ее отпугивает. Какая-то скрытая... одержимость, что ли, которая при случае может, наверное, обернуться и жестокостью. Хотя почему, казалось бы? Ван Гог был одержим, и Микеланджело тоже, но разве их назовешь жестокими... А вот Андрей дал ей прочитать «Луну и грош» и сказал, что Стрикленд — это настоящий художник по характеру и что он очень хорошо его понимает. Ей же самой характер Стрикленда показался отвратительным. Неужели Гоген действительно был таким?

В самом начале Лаврушинского переуллка, там, где он под прямым углом отходит от набережной, есть маленький зеленый пятачок, каких много в этой части города. Ника садится на горячую от солнца скамейку, запрокидывает голову, прикрыв глаза. Уже можно и позагорать. К остановке подходит кольцевой автобус, кто-то объясняет кому-то, как пройти к Третьяковке, и снова опускается вокруг тишина — особая, здешняя, замоскворецкая. От этой ли тишины, или от солнечного тепла, или от мысли об Андрее, но Нике делается все более и более грустно. Это даже не грусть, а какое-то чувство неудовлетворенности — всем решительно. Начиная от школы, где ее заставляют учить заведомо ненужные вещи, «дают информацию», которая ей никогда в жизни не пригодится, и кончая самой собой. Или, вернее сказать, начиная с самой себя — глупой, бестолковой, не умеющей определить своего места в жизни, не знающей толком, чего от этой жизни хотеть. Действительно, при чем тут школа, при чем тут преподаватели...

Интересно, ощущают ли эту неудовлетворенность другие ее сверстники? Возможно, что ощущают. Не случайно ведь всех тянет к необыденному — к бригантинам, к алым парусам, к сказке; даже в эстрадных песенках сплошь пошли гномы да великаны. Мама говорит, в ее молодости само понятие романтики было иным, мальчишки тогда мечтали о войне, убегали в Испанию... А у нас? Целина давно освоена, в космос пока не убежишь, остаются бригантины да еще «сбачаем шейк, старуха!». Или вот стали носить мини — для чего? Сначала самой было неловко, чувствовала себя голой, потом привыкла — носят же другие. Противно, конечно: обезьянничает, как мартышка, до полного неприличия...

— Девушка, вы не подскажете, к Третьяковке как тут пройти?

Ника встает, объясняет, как пройти к Третьяковке. Уже без четверти десять, и посидеть спокойно теперь не дадут — все будут спрашивать, как пройти, хотя что тут спрашивать, если на стене нарисована стрела с надписью «Третьяковская галерея». Первый урок кончился, сейчас переменка, а потом будет физика. Ника направляется было следом за группой приезжих, которые спрашивали у нее дорогу, но решает, что еще рано — к открытию там всегда толчея, лучше обождать, — и, повернув обратно, переходит через набережную.

Положив портфель на каменную тумбу парапета, она облокачивается на него и долго смотрит на воду, мутную, почти неподвижную; потом поднимает голову и медленно обводит взглядом знакомую панораму Болота. Слева, за мостом, кинотеатр «Ударник», уступчатой надстройкой и двумя высокими трубами немного напоминающий старинный броненосец. Рядом с ним, правее, громоздятся серые конструктивистские корпуса огромного мрачного жилмассива. А прямо впереди, на том месте, где когда-то казнили Пугачева, ярко, в упор освещенный солнцем, зеленеет сад вокруг памятника Репину, и над верхушками деревьев видны вдали кровли Большого Кремлевского дворца.

Первые четыре класса Ника училась на Софийской набережной — вон там, за этим садом. Потом спецшколу оттуда перевели, сейчас она здесь по соседству, в одном из Кадашевских переулков, но тогда находилась рядом с английским посольством. Учиться там ей не нравилось; преподаватели были хорошие, но с одноклассниками она не ладила, поэтому и настояла потом, чтобы перейти в другую школу. Хотя мама была против — та, первая, считалась более престижной. Странно, думает Ника, вроде бы и не так много лет прошло, а детство кончилось...

Приятно, конечно, чувствовать себя взрослой, но если всерьез — иногда вдруг делается и страшновато: а что дальше? Это ведь тоже не такой простой вопрос, как кажется на первый взгляд. Вернее, вопроса вообще нет, если соглашаться на готовые решения, принятые за тебя другими; а если хочешь решать сама, до всего доходить своим умом?

Вдохнув, Ника оттягивает рукав коричневого форменного платья, чтобы посмотреть на часы, и тут происходит катастрофа: где-то далеко внизу раздается увесистый всплеск, только что лежавший здесь на тумбе портфель уходит под воду, скользнув по каменному откосу стенки, и всплывает уже поодаль, покачиваясь на волне и взблескивая латунным замочком.

При внезапной беде обычно не сразу осознаешь все ее значение, голова в первый момент занята скорее побочными, второстепенными обстоятельствами случившегося. Ника, разинув рот, смотрит на портфель и думает о том, скоро ли он утонет и утонет ли вообще. Вообще-то, не должен: книги — ведь это та же целлюлоза, а дерево плавает и намокшее. И только потом до нее доходит, что запас плавучести портфеля — это сейчас вовсе не главная ее проблема. Вот он удаляется — все-таки уплывает, хотя течение здесь и медленное, — а вместе с ним уплывают учебники, тетради, дневник, переписанное набело сочинение, кошелек с полтинником на обед и обратную дорогу, весь тайный запас косметики и фран-

пузская четырехцветная «Каравелла»... Ника беспомощно оглядывается — на набережной, как назло, ни одного рыболова — и вдруг еще шире раскрывает глаза, в ужасе прижимает к губам ладошку: ключ-то от квартиры тоже уплыл!

Вот теперь ею овладевает полнейшее спокойствие. Бывают положения, когда человеку можно не опасаться ничего на свете, когда человек буквально неуязвим — по той простой причине, что ему уже нечего терять и все, что могло с ним случиться, уже случилось. Занятия пропущены без уважительной причины, сочинение не сдано, портфель потерян, в квартиру самой не войти — значит придется ехать к маме на работу. Ну и прекрасно! Она с самого утра знала, что ничем хорошим этот день не кончится. Что ж, лишнее доказательство в пользу неотвратимости судьбы. «И от судеб защиты нет» — это написано еще когда. И кем!

Около полудня, проголодавшись, Ника появляется во дворе по Старомонетному переулку, где прошли первые четырнадцать лет ее жизни. Здесь все по-прежнему: те же раскидистые тенистые тополя, тот же пузатый и подпертый со всех сторон балками двухэтажный флигель, который обещают снести уже который год. Теперь, наверное, уже нет смысла: дешевле подождать, пока развалится сам. Баба Катя, бывшая домработница Ратмановых, сидит на солнцепеке у своего полуподвального крылечка, чистит картошку в облупленном эмалированном тазу.

— Здравствуйте, баба Катя! — Ника подходит, целует старуху в макушку и усаживается рядом на низкую скамеечку, выставив туго обтянутые дедероном колени.

— А-а, Верунька, это ты, милая. Спасибо, что проведать зашла. Чегой-то так рано сегодня со школы? Другие еще не прибегли. Во вторую смену, что ль, занимаешься теперь?

— Нет, почему же... в первую, как и всегда. Я, баба Катя, не была сегодня в школе. У меня, баба Катя, какой-то ужасный сегодня день. — Голос у Ники начинает дрожать. — В школу я не пошла, портфель потеряла, вообще... Дайте я вам буду помогать!

Она решительно забирает у бабы Кати недочищенную картофелину и ножик, лезвие которого сточено до узкого клинышка.

— Глазки-то чище выковыривай, — говорит баба Катя, — картошка нынче в овощном сплошь проросшая. Что в школе не была, это ладно, — вам теперь хоть вовсе не ходи, все равно не выгонят. Учительница тут вчера к Савельевым приходила — ну вся как есть изревелась. Молоденькая такая. Сил моих, говорит, больше никаких нету. Генку-то ихнего зимой в пэтэу списали, месяца не проучился — опять в школу вернули. Нет, нынче вашему брату жизнь пошла легкая... то-то вы заголясь бегаєте. Передник хотя б возьми, прикройся, мужики по двору ходят...

Ника, смутившись, быстро прикрывает колени передником.

— А портфель-то куда ж девался? — спрашивает баба Катя. — Фулиганы, что ль, отняли? Так вроде давно такого не было. В сорок шестом-то году, помню, у меня на углу хлебные карточки выхватили, и охнуть, милая, не успела, во как...

— Нет, какие там хулиганы. — Ника вздыхает. — Я его сама уронила в реку, понимаете? Засмотрелась, а он упал. Я теперь как погорелец, баба Катя, одолжите мне тридцать копеек. Понимаете, мне нужно хотя бы стакан кофе с пирожком, иначе я умру с голода, — это двадцать четыре копейки, ну и пятак, чтобы доехать к маме на работу. Свой ключ я ведь тоже утопила, мне просто не войти в квартиру...

— Ну-у, девка, плохи твои дела, — сочувственно говорит баба Катя. — Портфель-то вроде новый был? Светленький такой, импортный, помню, помню... Сколько, говоришь, денег-то тебе надо?

— Тридцать копеек. Точнее, двадцать девять, я просто округляю.

— Это значит два девяносто... — Баба Катя погружается в какие-то сложные подсчеты. — Есть у меня, Верунька, деньги, слышь ты, только за свет нужно заплатить, два месяца уж не плочено... Да ты погоди, сейчас все посчитаем...

Баба Катя кряхтя встает, уходит, потом возвращается с очками, кошельком и квитанционной книжкой.

— Сосед вчера выписал по счетчику, — говорит она, разворачивая книжку, — не знаю еще, сколько тут... А ты пока погляди-ка, чего там в кошельке-то осталось...

Ника вытряхивает из кошелька две помятые желтые бумажки, металлический юбилейный рубль и еще какую-то мелочь. Всего оказывается три рубля шестьдесят восемь копеек.

— Видишь, как выходит, — говорит баба Катя. — За светом нужно рупь семьдесят. Тебе и двух рублей не наберется...

— Да зачем мне столько, — смеется Ника. — Мне нужно тридцать копеек, баба Катя! Вот смотрите, я беру — видите? А это вам.

— Ты ж сказала — два девяносто! — сердится старуха. — Только путаешь, ну ты к лешему...

— Какие два девяносто! Это вы сказали — два девяносто, вечно вы на старые деньги все переводите — увидите вот, обсчитают вас когда-нибудь.

— Ладно, ладно. Только слышь, Верунька, ты в пирожковую-то эту не ходи, нечего себе желудок смолоду портить, мы вот сейчас картошки сварим да поедем, а ты сбегай покаместь заплати за свет, сберкасса-то наша помнишь где?

Ника берет квитанционную книжку, два рубля и бежит в сберкассу. Потом они с бабой Катей обедают — едят картошку, политую пахучим подсолнечным маслом, и пьют из раскаленных эмалированных кружек немного отдающий венником чай. Нике очень хочется поделиться с бабой Катей какими-то своими мыслями, но эти мысли пока не очень ясны ей самой, а баба Катя за последний год стала немного бестолковой.

Странно — вокруг так много взрослых, а поговорить по настоящему не с кем. Даже с родителями. Даже с мамой! Слишком у этих взрослых все получается ясно и просто, обо всем есть готовое мнение, все разложено по полочкам. Быть троечницей — позор, никакой серьезной любви в школьном возрасте быть не может, человек без высшего образования —

ЮРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ СЛЕПУХИН
КИММЕРИЙСКОЕ ЛЕТО

•
ЮЖНЫЙ КРЕСТ

Ответственный редактор Оксана Прилежаева
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Светлана Федорова, Ульяна Смирнова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 16.02.2026.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 5000 экз.
Усл. печ. л. 56,84. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

